

ИТАР-ТАСС
«Гамлет»

ПАВЕЛ СМЕРТИН
«Фауст»

ИТАР-ТАСС
«Вишневый сад»

ДМИТРИЙ МАТВЕЕВ

«Макбет»

«Отелло»

человек в них поставлен лицом к лицу с неразрешимыми проблемами бытия, со своими страстями и страхами, с мечтами и грехами. Его герои живут в каком-то доисторическом времени, они пребывают одновременно в истерике и в оцепенении, на грани возможного, бок о бок с непознаваемым. Именно поэтому Някрошюсу так удавались шекспировские трагедии — поставленные один за другим «Гамлет», «Макбет» и «Отелло». Но и Чехов, автор, казалось бы, сопротивляющийся интерпретациям космического характера и многозначительным обобщениям, всегда получался у кудесника Някрошюса — достаточно вспомнить «Вишневый сад», поставленный в Москве с русскими актерами, или «Дядю Ваню», с которого, в сущности, и началось поклонение режиссеру.

Присочиненные к пьесе слуги-полотеры из того чеховского спектакля, безмолвные хозяева чеховского усадебного дома, вошли уже в историю мирового театра. Как и зажатый между танцующими любовниками острый кинжал в бухгалтерские счета в руках у Сальери в «Маленьких трагедиях», как наполненная землей

тарелка, в которую падало лицо человека во «Времена года» по Донелайтису, как сделанная из льда и стекающая каплями на рубашку принца Гамлета люстра в шекспировском спектакле, как кусочки сахара в «Квадрате» — спектакле, поставленном по незначительному литературному произведению и свидетельствовавшим о том, что Някрошюс со своими актерами может, как говорится, и скучную телефонную книгу превратить в захватывающий воображение театр. Кто-то из остроумных людей заметил, что на метафоры Някрошюса люди ходят в театр так же, как в свое время ходили на демонстрации.

«Идиот» Достоевского, понятно, не телефонная книга. Этот автор умеет подчинять себе тех, кто взялся за него. Но режиссер и здесь идет своим путем. Он словно снимает привычный налет достоевщины с героев романа и с их слов, последовательно стремится обнажить внутренние мотивы действия. Самые микроскопические душевные движения он увеличивает до гигантских размеров. Но, конечно, не методом посконного «психологического анализа». Он игра-

ет с простыми, архаичными материалами — с металлом, деревом, водой. Из металла сделаны детские кроватки, которые становятся основным элементом декорации, придуманной постоянным с некоторых пор соавтором режиссера — его сыном Мариусом Някрошюсом. На одной из них Мышкину предложат расположиться в доме Иволгиных, потом из них составят скамейки, они же превратятся потом в чеканный силуэт старого Санкт-Петербурга.

Герои Някрошюса похожи на детей, заблудившихся в закоулках собственной судьбы, как в улицах этого города. Князь Мышкин в литовском «Идиоте» почти ребенок, еще молоко на губах не обсохло. Настасья Филипповна и укачивает его, словно младенца, у себя на коленях. Сама она все время не ходит, а как-то бежит по сцене. В одной из лучших сцен спектакля Рогожин пытается разорвать канат, поддерживающий большое зеркало в руках у носящейся по кругу Настасьи Филипповны. Вообще героями Достоевского у Някрошюса движет какая-то неодолимая, изменяющая человеческую пластику сила. Вот и напряжен-

ный диалог Настасьи и Аглаи оказывается в спектакле настоящим физическим поединком. А читая тексты своих писем, первая вынуждает вторую карабкаться вверх по деревянной балке.

Слово Достоевского способно вызвать телесную муку — и Някрошюс делает это наглядным. В этом спектакле, кстати, текста гораздо больше, чем в его предыдущих работах. И все-таки перед нами настоящий Някрошюс, режиссер, умеющий буквально вползти внутрь зрительского сознания, показать изнанку этого сознания и скрытую суть человеческого поведения. Смотреть «Идиота» тяжело. Но даже если кажется, что уже полчаса на сцене не происходит ничего особенного, можно не сомневаться, что Някрошюс исподволь готовит вас к тем пяти гениальным минутам, которые обязательно случатся и которые запомнятся навсегда. Как помнятся минуты абсолютного художественного переживания — те минуты, в которые земное время останавливается и человек забывает о том, что он смертен. По-научному это называется катарсис.

Малый театр, 14–16 ноября, 18.00